

STAR CRAFT III

BLIZZARD
ENTERTAINMENT

Один народ, одна цель

— Верховный Вершитель, я пришел сообщить о смерти.

Селендис рассматривала произнесшего это протосса, стоявшего, преклонив колено, на недавно вымощенной площади у храма. Его легкая броня хоть и была совершенно новой, но внешне напоминала старые модели. Подражание золотому веку недавно вошло в моду среди некоторых тамплиеров — или скорее, бывших тамплиеров. Селендис не признавала такой устаревший стиль; ее собственная броня новейшего образца придавала ее стройной фигуре изящные очертания. — Где-то была битва?

— Нет, Вершитель. — Во всем облике тамплиера присутствовала некая неловкость. Он чувствовал себя неуверенно — это было очевидно даже без Кхалы, которая прежде создавала эмоциональную связь. С тех пор как ее перерезали, прошло довольно много времени, но Селендис все еще не могла привыкнуть к отсутствию телепатического контакта, веками объединявшего кхалаев, — мгновенного понимания и всеобщего стремления. Взамен этого появилась возможность свободно солгать, чувство глубокого одиночества и недопонимание. Теперь приходилось долго и с трудом улавливать смысл в словах и языке тела, что невероятно раздражало.

Надо узнать, с чего это у посланника такая обеспокоенность, если все мы понимаем неизбежность смерти? Если не битва, значит старость или болезнь, но зачем беспокоить ее из-за этого? Протоссы не бессмертны, а смерти все равно, скольких из них она уже выкосила. — Зачем ты пришел ко мне?

— Потому что это странная смерть. Ужасная.

До Селендис доносился нескончаемый глухой гул строящейся Алдеры, оживающих

улиц города. Новые строения сияли в лучах жаркого послеполуденного солнца. Только яркие блики, отражавшиеся от дронов и стражей, позволяли различить их вдали. Мирный труд последних солнечных циклов — неужели их прошло уже так много? — все еще казался странным после затяжной войны. Может быть, прирожденным воинам не суждено наслаждаться миром; может быть, они рождены защищать этот мир. И может быть, с иронией подумала Селендис, сначала надо узнать великий замысел судьбы получше, прежде чем рассуждать о нем. — Показывай.

Они перенеслись в небольшое поселение на окраинах Алдеры. Плавные склоны долины уже наполовину скрывались в тени окаймлявших ее гор. Кипучая деятельность и великолепие центра города странно контрастировали со здешней тишиной и бедностью. Больше половины жителей обитали во временных постройках, которые почему-то до сих пор не заменили. Несколько дронов, возможно даже, предназначенных именно для этого, бесцельно кружили над землей. Немногочисленные протоссы, сидевшие у порогов своих домов или под деревьями, без особого интереса проводили их взглядом.

Единение с Кхалой стало для Селендис таким же инстинктивным, как и боевые рефлексы, и она попыталась с ее помощью быстро оценить обстановку. Наткнувшись на пустоту, она опять слегка задохнулась от неожиданности — как будто идеально выполненный выпад досадно попал в щит.

Она прошла за взволнованным протоссом в одно из временных жилищ. Еще у двери она ощутила резкий запах крови, витавший в воздухе. В комнате лежало искалеченное тело кхалая в засохшей луже почерневшей крови.

Селендис много раз сталкивалась со смертью, но такое видела впервые. Клинки из пси-энергии наносили рану и тут же ее прижигали. Бой одного протосса с другим чаще

всего обходился без крови. Она помнила такие лужи крови только по битвам с зергами, но здесь не чувствовалось чужеродной вони. Селендис присела рядом с телом и изучила раны: горло рассечено глубокими порезами, такие же порезы покрывали руки трупа, рассекли грубую ткань на его груди.

Она осторожно подняла его руку. Он пролежал так долго, что мышцы успели расслабиться. Засохшая кровь покрывала руки умершего, на когтях остались клочки его собственной плоти. Селендис довелось видеть столько мучительных смертей, а несколько из них устроить самой, что она давно считала себя равнодушной ко всему. Но от этого зрелища ее замутило. — Он сам себе нанес эти раны.

— Я и сказал. Ужасная смерть.

— Ты знаешь, как его зовут?

— Я не знаю его. Я просто отнес кое-кому письмо, шел мимо и почуял запах крови.

— Но до тебя к нему никто не подумал зайти. — Она положила руку мертвого кхалая на пол. Что-то на миг блеснуло в крови около его шеи. Селендис перевернула тело набок. С тыльной стороны шеи раны были еще глубже, как будто кхалай пытался дотянуться до основания нейронных уз. То, что Селендис сначала приняла за украшение, которым некоторые кхалаи обхватывали узлы по обычаю неразимов, оказалось не просто безделушкой. Кристалл мерцал от наполняющей его силы, и она смогла рассмотреть несколько нитей, похожих на провода: это было какое-то устройство, хотя только фазовый кузнец мог бы определить его назначение.

Но она знала, где его найти.

Селендис отпустила тело, и оно перекаатилось обратно. — Ты прав, я должна была это увидеть.

#

Селендис привезла тело, защищенное от разложения в стазисной камере, в лабораторию Каракса, которую тот выстроил для себя в Алдере. Артанис, как и положено лидеру дэлаамов, одним своим присутствием будто бы заполнял все помещение. Он уже ждал вместе с фазовым кузнецом — Селендис посчитала, что лучше ему увидеть все своими глазами. Она слегка удивилась, заметив здесь и Таландара, которому пришлось согнуться вдвое, чтобы втиснуть свое крупное тело чистильщика между двумя панелями управления и развернуться к столу со стазисной камерой. Свет от панелей Каракса освещал изогнутый металл у его плеч и головы.

— Таландар уже приходил ко мне, — объяснил Каракс. Он был ниже их всех и имел привычку постоянно склонять голову набок, рассматривая что-нибудь с неизменным любопытством. Три манипулятора с несколькими парами рук на концах, которые он прикрепил к обрубкам своих нервных уз, не прекращали двигаться ни на секунду. — Я подумал, ничего страшного не случится, если он придет.

— Я доверяю его суждениям, — сказал Артанис. В его голосе в самом деле слышалась безграничная уверенность и доверие.

— Ну, это не то чтобы тайна, — сказала Селендис.

Каракс ахнул при виде тела. Пусть даже Артанис провозгласил его и всех остальных протоссов тамплиерами, в отличие от них он редко имел дело со смертью.

— Но лучше об этом лишний раз не распространяться, — сказал Артанис, не отрывая глаз от тела. — Что с ним случилось?

Селендис изложила свои наблюдения. Как только она упомянула об устройстве, Каракс немедленно овладел собой. Его вспомогательные механические руки осторожно

перевернули тело, вытащили устройство и начали очищать его.

— Прежде чем вернуться в Алдери, — продолжила Селендис, — я поговорила с местными. Его звали Эранис, и раньше он принадлежал к касте кхалаев. У него не было семьи, никого из кровных родственников в племени, никаких друзей или вообще близких. Он жил и умер в одиночестве. Никого не удивила его смерть... и не расстроила. — Во всех ее разговорах с безразличными протоссами из того поселения, которые вернее было бы назвать монологами, равнодушие к его смерти задело ее больше всего.

— Ты чем-то встревожена, Селендис, — заметил Артанис.

— А ты нет? Но вообще-то я очень зла. Нас и так осталось очень мало. Почему никто из них не заметил? Почему всем было все равно?

— Хороший вопрос. Его что, так презирали?

— Нет. Ничего подобного. Они как будто слишком много времени провели на солнце и не желали больше двигаться. — Ей пришло в голову, что это мог быть какой-то новый наркотик, но ни от кого из них не пахло странно. — Они вели себя не как протоссы.

Таландар прервал общее молчание. — Когда я пробудился, то почувствовал потерянность. Рядом не было Кхалы, чтобы успокоить меня. Я больше не знал, кто я и для чего живу. Никогда — ни до, ни после пробуждения — я не чувствовал такого одиночества. Было бы очень легко потеряться в нем и забыть о существовании всех остальных, если бы не старый друг, — он кивнул головой в сторону Артаниса, — и новый, — на этот раз он указал в сторону Каракса, — которые не дали мне все забыть.

Селендис вспомнила жгучую боль отсеченных нейронных уз и внезапную пустоту на месте Кхалы... когда связь между ними была так резко и необратимо прервана. Лучше, чем потерять себя в вечном океане ненависти и ярости Амуна, но боль все же была во сто

крат сильнее любой другой — может быть потому, что рана пришлась в сердце. Иногда боль возвращалась.

— Мы все прошли через то же самое... ранение, но не потеряли связь с реальностью, — она показала на труп. — А с ним-то что? Разрыв с Кхалой не мог привести к такому исходу.

— Частично мог, — сказал Таландар.

— Вот причина, — вмешался Каракс, подняв одну из механических рук с уже чистым устройством. Под коркой высохшей крови скрывалась оболочка из неотшлифованного серебристого металла, оплетенная проводами чуть иного оттенка. Внутри по-прежнему пульсировал мерцающий кристалл.

— И что это? — спросила Селендис.

— Я не... не совсем уверен. Но кое-что могу сказать точно. — Каракс постучал по кристаллу. — Во-первых, устройство пропускает через себя энергию Пустоты, хотя я не знаю, почему ее поток неравномерен. Возможно, оно было повреждено...

— А во-вторых? — спросил Артанис. Несмотря на мрачные обстоятельства, его явно развеселили рассуждения Каракса.

— Во-вторых, — Каракс перевернул устройство, показывая тонкие как иглы ответвления, — оно как минимум частично было сращено с отсеченными узами. Мне нужно изучить его, чтобы лучше понять назначение... но оно было подсоединено к его узам и дало сбой, что могло причинить страшную боль.

— И поэтому он пытался оторвать его, — заключила Селендис. Такое объяснение выглядело гораздо правдоподобнее, чем какая-то духовная рана, вынуждающая наносить себе повреждения. Но часто ли самое простое объяснение оказывается верным? Протоссы

были сложными и высокоразвитыми существами. Нельзя было этого не понять после обучения у Артаниса, переменчивых политических раскладов во время войны и наблюдения за гигантскими изменениями, произошедшими сначала после потери Айура, а потом после его возвращения.

Когда Каракс пустился в пространное и подробное описание того, что он уже установил об устройстве, дверь в лабораторию распахнул страж. — Простите, что вынужден вмешаться, — произнес он.

— В чем дело? — спросила Артанис.

— Нашли чье-то тело, — ответил страж. — Там... все в крови.

То, что терран счел бы совпадением или невезением, для Селендис было знаком назревающей опасности. Конечно же, Артанис тоже это почувствовал. Она шагнула вперед, но он жестом остановил ее. — Таландар, займись этим, — приказал Артанис. — Посмотри, совпадают ли обстоятельства... и пришли тело сюда.

— Почту за честь. — Таландар переместился к пустому пространству в лаборатории, протиснулся в дверь и выпрямился в полный рост.

— Каракс, продолжай работу над устройством, — велел Артанис.

— Конечно, друг мой.

— Если что-то узнаешь, сообщай Селендис.

Хотя Селендис хотелось лично заняться расследованием, она понимала, что разумнее распределить время и силы, особенно учитывая ее другие обязанности. — Скоро мы во всем разберемся.

#

Каракс недолго оставался один — вскоре Таландар прислал второе тело в стазисной

камере. К нему прилагались базовые сведения, которые ему удалось узнать: женщина по имени Терун, раньше состояла в касте тамплиеров. Судя по цвету кожи, она происходила из племени венатир.

Она была еще больше изуродована, чем предыдущий труп, и покрывавшая ее кровь была все еще липкой на ощупь. Благодаря этому кровь с устройства, которое она тоже носила на отсеченном конце нейронных уз, сходила намного быстрее, и Каракс сосредоточился на чистке. Кровь вызвала у него отторжение, но это помогало думать о телах как о биологических машинах, которые просто вышли из строя и вынуждены были запустить программу самоуничтожения. Если он найдет, что вызвало поломку, то не даст аварии случиться снова.

В лаборатории стояла тишина, когда он начал препарировать устройства одно за другим. Городской гул Алдеры не проникал за дверь и силовые поля, которые пропускали блекнувший послеполуденный свет, но служили преградой шуму и пыли. Бормотание Каракса сопровождалось только гудением силовых ядер и панелей да жужжанием механических рук, когда они подавали инструменты или закрепляли устройства.

Второе устройство на первый взгляд было идентично первому: неотшлифованная металлическая оболочка, обыкновенная сеть нейронного интерфейса, которая показалась Караксу довольно топорной, и матрица неравномерной передачи энергии, которая объясняла пульсацию энергии Пустоты. Но когда он начал сравнивать их детальнее, то нашел явные отличия в сети, матрице и вычислительных модулях, назначение которых он еще не выяснил. Устройства были кустарного, а не массового производства, как будто фазовый кузнец пока только отлаживал прототип, который позволит задумке воплотиться в жизнь.

Это Караксу особенно не понравилось. Образцы следовало тестировать в симуляторе, а не на нейронах протоссов. Во время войны его коллег иногда привлекали к экспериментам на живых подопытных, но то был отчаянный шаг в крайних обстоятельствах. И те времена уже давно прошли.

Осмотр также выявил, что устройство совершенствовали. Во втором были исправлены очевидные недостатки первого: перегруженные нейронные соединения или со временем искривившиеся энергетические каналы. Неисправности второго устройства были тоже явными, но другого характера — слабые места починили, из-за чего обнаружились новые.

Он положил оба устройства на стол и отошел к панели, чтобы запустить симуляцию, как вдруг по легкому движению воздуха почувствовал, что в лаборатории он уже не один. Никто обычно не приходил к нему так тихо. Вообще-то так тихо на памяти Каракса не вел себя ни один кхалай.

Каракс повернулся и увидел женщину-неразима, которая стояла возле стола и вертела в когтях одно из устройств. Она была слишком малого роста даже для женщины, с темной как ночь кожей. Она бросила на него быстрый взгляд, а в следующее мгновение у его горла оказался нож. Ее зеленые глаза горели. — Так это ты тот вор, за которым я охочусь. Не ожидала, что ты будешь прятаться в тени великого Артаниса.

Каракс осторожно поднял обе свои руки, в то же время механической тайком вытаскивая из-под панели нож. Он не надеялся успеть зарядить пси-клинок в таких обстоятельствах. — Я не вор. Ты не заметила тела? — Она не вздрогнула, и он понял, что заметила. — Эти устройства оттуда, и я по долгу службы обязан определить их назначение. Может быть, кто-то из них твой вор?

Он почувствовал давление ее разума на свой, ее изучающий взгляд. Наконец она отступила и вернулась к столу. — Это копии, — сказала она, взяв одно устройство. В ее голосе звучало отвращение и горечь. — Очень плохие копии. Вы, кхалаи, любите отбирать чужое и делать дешевую подделку, чтобы назвать своим.

— Нет радости в том, чтобы выдавать чужие изобретения за свои, — возразил Каракс.

— Может, это ты так думаешь, — сказала неразим. — Но кое-кому из твоих собратьев очень нравится смешивать наши творения со стилем золотого века.

Он подавил желание запротестовать. *Не все сразу*. — Как тебя зовут? — спросил он.

— Нерат.

— А меня Каракс. Ты фазовый кузнец?

Она положила устройство и с изумлением посмотрела на Каракса. — Если говорить *вашим* языком, то пожалуй, мою семью можно назвать и так. Их обманул этот вор.

Все начало проясняться. — Мы оба быстрее достигнем своей цели, если будем работать вместе.

— И чем же ты мне поможешь? — насмешливо спросила она.

— За мной возможности иерарха Артаниса. Главная моя трудность на данный момент — узнать предназначение этих устройств. Как только я это выясню, сразу смогу понять, как их изменили, и определить, кто из фазовых кузнецов среди кхалаев мог ими заниматься. Расскажи то, что мне нужно, и я передам список подозреваемых и тебе, и вершителю Селендис.

Нерат подозрительно разглядывала его чуть ли не целую вечность. — Наверное, совместная работа не повредит. Эти устройства нужны для усиления связи с Пустотой... и регулирования потока энергии, чтобы не допустить шока от перегрузки. — Нерат рассеянно повертела одно из устройств на столе. — Селендис лучше постараться найти их первой.

#

Отослав тело мертвого тамплиера Караксу, Таландар осмотрел ее жилище. Оно не слишком отличалось от того, каким он помнил «дом» в воспоминаниях своей прошлой личности Феникса. Броня, вычищенная и аккуратно развешенная в ожидании следующей битвы, оружие на почетном месте на стене, пара картин (не в его вкусе) и книги, несколько удобных предметов мебели для отдыха. Житель этого дома не потерял смысл своего существования, как описывала Селендис, а скорее ждал битвы, которая никогда не придет.

Составляя перечень вещей, Таландар говорил по сети, которая соединяла всех чистильщиков, — слабое подобие Кхалы. Но у кхалаев сейчас даже этого не было. Хотя вся его жизнь держалась на цели, которой он служил, и имени, которое он выбрал, обретенная связь с другими чистильщиками тоже возвращала ему чувство принадлежности к единому народу. Сама связь, даже без эмоциональной волны, исцеляла одиночество — знанием, что стоит шепотом задать вопрос, и его услышит множество таких же, как он.

Теперь же он спросил, замечал ли кто-нибудь из чистильщиков необычное поведение среди кхалаев или видел такое-то устройство. Ответы насчет устройства пришли быстро и были все как один отрицательными. Однако про кхалаев чистильщики

не ответили вообще ничего.

«Мы живем обособленно, — ответил за всех Клоларион, — мы верим Артанису, верим, что в новом мире больше не будем рабами, но наши общества почти не пересекаются. У нас разные потребности. Нашим путям незачем пересекаться, разве что когда нас просят о помощи в строительстве».

«Иногда мне удастся за ними понаблюдать, — заметил Моджо, — хотя мне нечего сказать об их поведении, потому что оно меняется, как только они замечают наши взгляды».

«Мы все протоссы», — убежденно сказал Таландар.

«Так же, как кхалаи и неразимы. Но они не обязательно согласны друг с другом»,
— возразил Клоларион. Он сказал это без злобы, просто констатируя факт.

Таландар скрыл в сети свое разочарование. В таких ситуациях оставалось только одно — сохранять невозмутимость. Он загрузил все свои наблюдения и снимки из дома мертвой женщины-протосса на один из терминалов Каракса и вышел на улицу.

Прохожие расступались перед ним и шли на почтительном расстоянии. Конечно, он понимал, что его металлическая фигура занимала больше места, чем бывшее биологическое тело. Как минимум, у него теперь было четыре ноги, а не две. Но то, как другие протоссы смотрели на него... он интуитивно чувствовал, что дело не только в размерах. Он ловил на себе любопытные, жалостливые или осторожные взгляды. Так воины рассматривают незнакомую, но большую машину. Хотя для него самого прохожие были обычны и ничем не примечательны, для них он был диковинкой. Они неявно, но оттого не менее обидно отвергали его, и возможно, это отчуждение тоже вынуждало чистильщиков всегда держаться в стороне от всех. Он не замечал этого раньше — должно

быть потому, что проводил почти все время с другими чистильщиками или дэлаамами, а последние привыкли к нему на «Копье Адуна».

Таландар отогнал от себя тревожные мысли, надо было заняться делами. Терун, в отличие от Эраниса, по крайней мере оставила после себя хоть что-то. Таландар должен был найти ее знакомых. Сначала он перенесся на другой конец города, чтобы найти ее отца. Может быть, утрата Кхалы укрепила семейные узы. Таландар нашел старого протосса сидящим на скамейке в лучах вечернего солнца. Прищурившись, он взглянул на него.

— Я принес печальные новости о вашей дочери, Терун, — сказал Таландар. — Она... — внезапно он понял, что обычные слова о том, что она присоединилась к своим предкам в Кхале, больше не годятся. Запнувшись всего на секунду, он продолжил, — присоединилась к звездам. Вы давно с ней говорили?

— Почему этим интересуется чистильщик?

— Мне поручили расследовать ее смерть.

— Ха! Даже если бы я поверил в твои добрые намерения, все равно не смог бы ничего ответить. Мы не встречались со времени возвращения на Айур. — Не сказав больше ни слова, старый протосс встал и ушел прочь.

«Он не настолько стар и не должен помнить восстание первых чистильщиков»,
— подумал Таландар. Как и никто другой. Но он, несомненно, слышал рассказы, которые настроили его так враждебно. Таландар переключился на следующее имя в списке — другой бывший тамплиер, служивший зилотом при Терун.

Этого протосса он нашел возле одного из зданий архива. Он скорее был поражен, увидев Таландара. — Я не знал, что вы разговариваете! — воскликнул он вместо

приветствия.

Таландар опешил от такого предположения. — Что?

— Я знал, что чистильщики наши самые совершенные боевые машины. Но мы думали, что Артанис ввел вас всех обратно в стазис после завоевания Айура.

— Вовсе нет! — Таландар быстро пришел в себя. — Я ищу...

— В чистильщиков загружены все знания протоссов, да?

Неуместный энтузиазм этого протосса был почему-то еще неприятнее, чем обычная враждебность. — Не прерывайте меня, — произнес Таландар, для убедительности подняв руку с энергетическим оружием.

— Конечно. Простите. — Протосс слегка отшатнулся от Таландара.

— У меня...

— Так получается, правду говорят, что чистильщики стали тайными агентами и шпионят за нами через дроны?

В конце концов Таландар добился ответов на свои вопросы, но не узнал ничего полезного про Терун — только разнообразные теории заговора, ходящие в Алдере. Наверное, выдуманные истории с легкостью заполнили пустоту, оставленную отгородившимися от мира чистильщиками.

Таландар пробежался по списку имен дальше и в награду не получил ничего, кроме разочарования. Кто-то тарачился на него и не мог сосредоточиться на вопросах.

Некоторые встретили с неприкрытой враждебностью. Другие проявляли любопытство — эти надоели ему хуже всех прочих и потратили впустую больше всего времени. Таландар уже был готов просто стучать в двери соседей Терун, когда предпоследнее имя в списке, Майтана, наконец принесло плоды.

Когда-то она принадлежала к касте тамплиеров. Это можно было понять по ее внешности, хотя одежда была потрепанной, а бледная, тонкая и покрытая пятнами кожа придавала ей нездоровый вид, что было заметно даже в тусклом вечернем свете. Она терпеливо выслушала его теперь уже хорошо заученные слова о смерти Терун. Они почти потеряли смысл, столько раз он их повторял — ужасное ощущение.

— Она скучала по битвам. Где бы она ни была сейчас, надеюсь, она найдет ее, — сказала Майтана.

— Ей казалось, что она потеряна? — Он знал, что такое апатия без цели в жизни — и оживление, когда ее обретешь.

— Хотя бои еще кое-где идут, нас уже давно не призывали к оружию. Мы не из касты кхалаев и не созданы класть камни или работать в кузницах. Мы следовали за вершителями в бой ради чести и славы.

— Честь и в том, чтобы оставаться верным себе, — сказал Таландар. Это он тоже много раз обдумал после взятия Айура. — Битва не единственное достойное дело.

— Что об этом может знать чистильщик?

— Больше, чем вы думаете. Мы воины, как все протоссы. Мы сделали своей новой целью возрождение, защиту и движение вперед. Вы тоже можете.

— Я... подумаю о том, что ты сказал. — Майтана выглядела пристыженной.

— Маленькая победа — тоже победа, — заметил Таландар. — Один шаг — тоже шаг вперед. А камень, положенный на камень, укрепляет стену и защищает тех, кто за ней. — Этому его научил мудрый Каракс. — Терун чувствовала то же, что и вы?

— Да, только она искала новую цель, а я... погрязла в жалости к себе.

— Она нашла то, что искала?

— Она говорила про какой-то новый храм. В котором нам вернут утраченное. Она предлагала пойти с ней.

— И что? — Майтана сообщила больше, чем все остальные вместе взятые.

— Один раз я согласилась, но не вошла внутрь. Мне не понравилось то место, я так ей и сказала. После того случая она больше со мной не разговаривала.

— Отведите меня туда.

Когда Таландар с Майтаной добрались до северной окраины Алдеры, тени стали четкими и длинными. Здесь было не так бедно, как в том городке, где нашли первое тело, но казалось, что скелет города еще не нарастил плоть. Майтана привела Таландара к заброшенному зданию, меньше всего похожему на храм, — оно выглядело скорее как ангар для машин, и его сканеры подтвердили наличие паров масла и топлива в воздухе. Внутри было совершенно пусто. — Тут был кто-то еще, когда вы приходили сюда с Терун?

— Да. Женщина из касты кхалаев. Очень высокая. Я точно это помню. С очень бледной кожей.

— Спасибо, — Таландар, едва начав говорить, уже отправлял информацию Караксу. — И если захотите еще обсудить наши битвы, я буду рад встретиться снова.

#

К облегчению Каракса, Нерат ушла продолжать собственное расследование, предварительно выдав все характеристики оригинального устройства — но не раньше, чем добилась от него унижительного обещания не копировать его. Он также раздраженно отметил про себя, что она не пообещала поделиться с ним сведениями, если вдруг обнаружит что-то новое. Но было проще сосредоточиться непосредственно на работе,

когда она не играла с его инструментами и не тыкала в терминалы, громко перечисляя все свои обиды на кхалаев. Так что он посчитал, что легко отделался.

Каракс вертел новое устройство в одной паре механических рук, пока другие пролистывали результаты на терминале. Устройство фокусировало энергию Пустоты, но были и схемы, заимствованные у чистильщиков, а вот тут — еще одна модификация: незаконченная, дефектная и наполовину оплывшая, но все же способная преобразовывать пси-энергию в энергию Пустоты. Оно задумывалось как оружие? Зачем тогда прикреплять его к отсеченным нейронным узам?

— Нет! — невольно вырвавшийся возглас перекрыл тихое механическое жужжание лаборатории. В нем в равной доле слились ужас, отвращение и восхищение безумной, невероятной гениальностью. Раз Кхалы теперь нет, кто-то в самом деле пытался изготовить новую псионную связь, скрестив ее с энергией Пустоты? Он поспешно запустил новую симуляцию, чтобы проверить свои предположения.

— Каракс! — услышал он далекий голос Таландара. Наверное, тот еще в городе.

— Да? — Каракс выглянул в окно, весь день незаметно прошел за работой.

— Ты будто бы чем-то встревожен, друг мой.

— Так и есть. Я тебе все расскажу, когда полностью сформулирую выводы. Что ты нашел?

— Много всего, но по большей части пока бесполезного, — ответил Таландар задумчиво. — Ты не знаешь фазовых кузнецов-женщин, необычно высоких и с бледной кожей?

Каракс засмеялся. — Описание внешности мне ничего не скажет. Большинство других фазовых кузнецов и ученых я знаю по их работам. — Но когда Таландар сказал

нечто про протоссов, которым полезно иногда выходить из лаборатории, Каракс вспомнил ту, которая подходила под описание. Он запросил ее имя в базе. Лантарис жила в Алдере.

— Одну, может быть, знаю.

— Где она?

Каракс заколебался. Сообщить ли Селендис и Нерат? Он был не уверен.

Статистически могло существовать огромное множество высоких, бледных женщин-протоссов, и конечно, некоторые были из касты кхалаев, и какой-то процент из них — механики. Сначала лучше проверить эту ничем не подтвержденную догадку. Он сказал Таландару, где искать лабораторию, и попросил подождать его.

Таландар уже был на месте, когда Каракс перенесся на это сравнительно небольшое расстояние. Значит, он отправился немедленно, пока Каракс несколько минут принимал в лаборатории необходимые меры предосторожности. Огромный чистильщик изо всех сил старался не бросаться в глаза, что у него получалось... неважно. Протоссы тарасились на него из окон и оборачивались, когда он проходил мимо. Это был совершенно обычный район, в котором жили многие механики. Да, Артанис упразднил касты, но в своей долгой жизни протоссы и привычки меняли долго.

— Дома, похоже, никого нет, — заметил Таландар, — я не видел энергетического излучения.

— Может быть, она днем куда-то уходит, — ответил Каракс.

— Тогда я сам нас впусти. — Чистильщики легко пробивали обшивку боевого корабля, дверь же была и вовсе смехотворным препятствием... и распахнулась, явив сцену хаоса.

На секунду Каракса охватил дикий страх, что сейчас они найдут еще одно тело, но

но он тут же понял, что кровью или смертью не пахло. Немного успокоившись, он заметил обломки металла и схем и кучи сваленной бумаги. Заметил он и то, чего не хватало среди этого беспорядка: все терминалы и инструменты испарились без следа.

— На нее напали? — спросил Таландар.

— Нет. — Причина разгрома была ясна. — Она в спешке собралась и сбежала.

— От нас?

— Хорошая рабочая гипотеза. — Каракс стал рыться в бумагах механическими руками, бегло просматривая их. На одних были отрывки чертежей — не того самого устройства, но явно сделанных ее рукой. Потом он нашел несколько разбросанных страниц, густо покрытых неразборчивыми строчками на языке кхалаев. В основном бессвязный бред, но одно предложение повторялось несколько раз и бросилось ему в глаза: *«Артанис предал нас. Он убил нас. Он убил наши души. Я найду новую Кхалу. Я спасу нас»*.

Он с омерзением отбросил страницу, будто боясь заразиться. — Я был прав... вот в чем назначение устройства — восстановить отсеченную Кхалу с помощью новой технологии. Кошмарная идея! Мы не просто так обрубили связь, и то, как она об этом говорит... она сведет своих жертв с ума этими опытами. Кажется, ты не ошибся, друг мой.

— Мы оба были правы по-своему, — сказал Таландар.

— Обсудим это позже, — решил Каракс. — Я расскажу обо всем Селендис и Нерат.

— Кому?

Каракс потер лоб. — Знал ведь, что что-то забыл. Сейчас объясню.

#

Селендис почувствовала облегчение, когда Каракс прислал за ней. Хотя ее голова была занята повседневными обязанностями, тревога из-за расследования и смертей подтачивала краешек ее сознания. Не настолько, чтобы мешать делам, но все же лишая терпения и невозмутимости.

— Но вы не знаете, куда отправилась эта Лантарис, — подытожила Селендис, изучая бумаги с бессмысленными каракулями. С Кхалой найти Лантарис было бы если не пустячной, то довольно простой задачей. Теперь же все, кто хотел спрятаться, с успехом это делали — как темные тамплиеры, не могла не подумать она. Еще одна заноза, которую надо удалить.

Никогда раньше она не осознавала так отчетливо, как долго и хлопотно придется выстраивать новый социальный порядок.

— Не знаем, Вершитель, — сказал Каракс.

— Но мы предполагаем, где она могла выдать себя, — проговорил Таландар. — Область поиска надо немедленно расширить.

Селендис еще раз перечитала пару корявых строчек, где Артаниса называли *великим предателем, разрушителем*, и уронила бумагу на пол. Она вытерла когти, словно на них могла остаться грязь. — Тогда сделаем это. Я...

— Послушаете новости от таинственной, но прекрасной охотницы? — раздался незнакомый голос. По заброшенной лаборатории прошел ветерок.

Селендис повернулась и увидела в дверях незнакомо-темного тамплиера. Она была маленького роста, закутана в плащ и в закрывавшей лицо маске насыщенного темно-синего цвета, почти переходящего в черноту ночного неба, на котором только начали появляться звезды. — Кто ты? — требовательно спросила Селендис.

— Так твой ручной фазовый кузнец тебя не предупредил?

Каракс ни о чем не предупреждал, и Селендис отметила про себя необходимость провести с ним проникновенную беседу. — Нет. — Бесцеремонность темных тамплиеров и раньше действовала ей на нервы, и эта не была исключением.

— Я собирался рассказать, — попытался защититься Каракс, беспомощно разводя руками.

Темный тамплиер иронично поклонилась. — Я Нерат. Мы расследуем одно преступление... с разных сторон. У вас убийство, у меня — воровство.

Селендис бросила на Каракса такой жесткий взгляд, что он съежился от ужаса. — Объяснись. — После его объяснений и долгой речи Нерат она наконец продолжила. — И что у тебя за новости?

— В ходе своего собственного расследования я подслушала, как кхалай упомянул о «новом храме». И решила поделиться из уважения к вашим стараниям.

«Или не знала истинной важности этих слов до того, как подслушала наш разговор», — подумала Селендис. — Чего ты хочешь?

— Один народ, одна цель, так ведь? — издевательски спросила Нерат.

Селендис одарила ее бесстрастным взглядом.

— Я просто хочу прекратить воровство.

Селендис не была настроена на словесные поединки. — Ты отведешь нас к нему и позволишь допросить.

— Протоссы с Айура прут напролом, — сказала Нерат. — Ты думаешь, если он в самом деле верит в свою новую религию, то все расскажет на допросе, а не предпочтет участь мученика?

— Они верят так рьяно, что даже позволяют ставить на себе опыты.

— Тогда что ты предлагаешь? — спросила Селендис.

— Проследим за ним и посмотрим, куда он нас выведет.

#

Хотя Таландар сначала вызвался вместе с Нерат наблюдать за протоссом, Селендис не допускающим возражений тоном объявила, что займется этим сама. Она не верила, что темный тамплиер честно рассказала о своих намерениях. А замашки Нерат, ее вечное чуть насмешливое отношение к чему угодно раздражали ее еще сильнее. Они сидели рядом на крыше магазина и следили за тем, что происходит на улице. Нужный им мужчина зашел в здание неподалеку и провел там уже несколько часов. Весьма вероятно, что он уже заснул и они просидят на крыше всю ночь.

— Компания чистильщика была бы намного приятней, — сказала Нерат, когда на ее очередное замечание в сторону прохожего Селендис ответила только невнятным мычанием.

— Пожалуйста, можешь подождать с ним в лаборатории Каракса, — предложила Селендис.

— У него хотя бы есть чувство юмора, — продолжила Нерат, проигнорировав ее слова.

— Ты слишком много болтаешь. — Хуже всего, что некоторые ее реплики и впрямь были *немного* остроумными.

— Если бы ты лучше слушала, мне бы не пришлось тратить столько слов.

Селендис устремила на нее неприязненный взгляд.

Темный тамплиер развела руками, демонстрируя нарочитую невинность, и

продолжила. — Я хочу помочь тебе, Селендис, и тем самым помочь своему народу.

Селендис хмыкнула. — В последнем я не сомневаюсь.

— Зачем ты так, — сказала Нерат, — обижаешь меня до глубины души.

— *Своему* народу, — передразнила она Нерат. — Что насчет *нашего* народа?

Несправедливые и не совсем искренние слова, но Селендис овладело чувство бессилия и тревоги. Она знала, что Артаниса огорчило бы деление на кхалаев и неразимов, которое она все еще проводила для себя. И неразимы ничем не помогали преодолеть это предубеждение.

— А что не так? Нет никакого нашего народа, если неразимы должны лишиться всего, чтобы кхалаи выжили.

— Очень драматично, — сухо сказала Селендис. — Никто не желает вам никаких лишений.

Нерат засмеялась. — Переделывать одних по подобию других — это не единство. — Пока возмущенная и разозленная Селендис придумывала возражение, Нерат напряглась и резко взмахнула рукой. — Наша цель двинулась с места. Закончим этот разговор позже. — Кхалай уходил по улице в обратную сторону, не ту, откуда пришел.

— Обязательно, — выплюнула Селендис.

— Куда теперь, интересно, — вслух размышляла Нерат, пока они следовали за ним на отдалении.

— Уже поздняя ночь. Может быть, домой.

— Его дом в другой стороне, — сказала Нерат. — Ставлю на тайную явку, где он приобретет что-нибудь нелегальное с черного рынка.

Селендис поневоле развеселилась. — Хорошего же ты о нем мнения.

— Я наблюдала за ним дольше твоего. Не поверишь, где я его нашла.

Кхалай в самом деле завел их в темную аллею. Остановившись на безопасном расстоянии, они увидели, как ему открыли дверь. Высокая женщина-протосс с необычно бледной кожей впустила его в дом. — Я позову Таландара и Каракса, — сказала Селендис.

— Скажи им, пусть поторапливаются, а то им ничего не останется, — посоветовала Нерат, вынимая свой клинок искривления.

— Нерат... — начала было Селендис, но темный тамплиер уже исчезла.

У Селендис ушла всего пара секунд на то, чтобы позвать Таландара и Каракса, но Нерат уже успела проникнуть в здание. А затем Лантарис, должно быть, активировала какую-то систему безопасности, потому что дверь не поддавалась, как Селендис ее ни дергала. Ее пси-клинок тоже не принес результатов — энергия трещала и рассыпалась перед силовым полем. Выругавшись, она попыталась найти другие входы, но тут прибыли Таландар и Каракс.

— Дверь! — закричала она.

Таландар сделал пару шагов назад, освобождая пространство для перезарядки. Энергия пронизывала его насквозь. Удар в дверь — и силовое поле перегрузилось, вспыхнув слепящим светом. С отчаянным металлическим скрипом дверь вогнулась и слетела с петель.

Не успела она еще упасть на пол, как Селендис проскочила в проем раньше чистильщика. Она оказалась в небольшом вестибюле, откуда вниз вела лестница. Снизу доносились крики Нерат: «Не смей больше у нас воровать!»

Другой голос выкрикнул так же яростно: «У нас благородная цель!»

Оставив позади Каракса и Таландара, Селендис ринулась вниз по ступенькам,

держа в руке оживший пси-клинок. У подножия лестницы Нерат загнала в угол Лантарис. Даже съжившись и прижавшись спиной к терминалу, та возвышалась над Нерат. Стены комнаты были опутаны сетью из схем и кристаллов. За ними, во второй комнате нижнего этажа, на столе лежал протосс, за которым они следили. Он был без сознания, и из его нейронных уз торчал странный инструмент.

— Нерат, ты не... — начала Селендис.

Лантарис быстро провела рукой по терминалу. Комнату наполнила чистая энергия. Нерат, придушенно вскрикнув, рухнула на пол. Селендис почувствовала в голове телепатический вой энергии, иссушающий все мысли, терзающий ее разум, ищущий жертву, — примерно так же ощущалось присутствие Амуна. Она лежала, упираясь в пол ладонями, и как сквозь пелену слышала свой собственный крик.

Воздух вокруг нее сгустился, время двигалось рваными скачками. Она видела, как Лантарис взмахнула пси-клинком, сделала выпад в сторону лежащей ничком Нерат. Некстати в голову пришла мысль: *«Но мы же так и не закончили наш разговор»*. Она собрала всю свою волю, чтобы заставить тело двигаться, рвануться к Нерат и выставить пси-клинок навстречу.

Все, что ей оставалось, — держать его как можно крепче.

#

Таландар засек вспышку энергии — энергии Пустоты, предупредили его сканеры, хотя предохранители выдержат — и увидел, как Нерат, Селендис и Каракс упали на пол. Глаза Селендис испускали лучи энергии. Она закрыла собой тело темного тамплиера, выставив клинок так, чтобы отразить удар. В тот миг, когда два встретившихся клинка породили еще одну вспышку энергии, Таландар нанес удар, отбросив своей могучей рукой Лантарис

на другой конец комнаты, подальше от терминала. — Каракс, терминал! — скомандовал Таландар.

Лантарис с воем поднялась на ноги. Она явно получила боевую подготовку, хоть и не сравнилась бы с тамплиерами. Таландар за пару шагов пересек отделяющее их расстояние, запустив потрескивающий всплеск энергии прямо в ее щит. Она отбила один удар своим пси-клинком, но его броня испарила псионную энергию, оставив лишь облачко дыма на месте клинка. Второй удар обрушился ей на голову и оглушил. Она зашаталась, и тут же получила еще один прямо по обрубкам нейронных уз. Лантарис упала, лишившись сознания. Не желая рисковать, Таландар отправил запрос зонду на стазисную камеру и запихнул туда ее безжизненное тело.

Затем он обернулся и увидел пошатывающегося Каракса, который что-то печатал на терминале механическими руками — живые слишком тряслись. Он встряхнул его, и лишь тогда они с Селендис испустили глубокий вздох облегчения. — Мне нужно... забрать это для дальнейшего изучения, — сказал Каракс.

— Что случилось? — спросил Таландар.

— Я не уверен. Но было очень больно, — ответил Каракс, — и кажется, ты меня частично прикрыл. Так что спасибо.

— Она как будто... пыталась вонзить когти в мой разум. Если Терун и Эранис перед смертью испытали хоть малую часть этого, я их понимаю. — Селендис, стоя на коленях, склонилась над Нерат. — Она всего лишь без сознания.

— Каракс, можешь... — Таландар показал на бесчувственное тело кхалая на столе.

Каракс, держась за лоб одной рукой, тем не менее твердым шагом подошел к нему. Он аккуратно вынул инструмент, кхалай сразу же открыл глаза и резко вдохнул. — Ты

меня слышишь?

Он посмотрел на Каракса, на Таландара. — Но что...

— Теперь ты в безопасности, — сказал Таландар.

— Я одинок! — Станным образом кхалай казался еще более взволнованным. Он сел, ощупал руками все еще целые обрубки нейронных уз. — Зачем вы остановили нас? Зачем? — Он кинулся на Таландара, но от слабости едва ли мог навредить ему.

Таландар легко удерживал кхалая одной рукой, пока тот выл от отчаяния. — Такого я не ожидал, — сказал Таландар Караксу.

Нерат издала сухой, полный боли смешок, и с усилием приподнялась на одном локте. — Ждали благодарности за то, что отняли у глупца ложную надежду?

С этим Таландар поспорить не мог.

#

Перед тем как уйти из дома Лантарис, Каракс собрал все, что посчитал нужным, загрузил в вызванный дрон и запечатал дверь, чтобы продолжить поиски на следующий день.

Когда он закончил, голова уже почти не болела. Таландар ушел почти сразу, чтобы доставить так и не пришедшую в себя жертву Лантарис целителям, потому что никто не знал, что еще с ним делать. Селендис, подставив плечо Нерат, покинула дом вместе со стазисной камерой.

Каракс прибыл в свою лабораторию последним. Артанис уже наполовину прослушал доклад Селендис, время от времени прерываемый замечаниями Нерат, что поочередно то раздражало, то веселило их обоих.

— Можешь что-нибудь добавить, Каракс? — спросил Артанис с напряженным вниманием.

— Только когда я как следует изучу все это, — Каракс махнул механической рукой на кучу трофеев на рабочем столе.

Артанис повернулся к стазисной камере, в которой находилось тело Лантарис. Он отключил стазисное поле. Быстро оглядевшись, Лантарис сфокусировала на нем взгляд и издала тихое шипение, полное такой ненависти, что Каракс отшатнулся. — *Ты!* Предатель!

— Я никого не предавал, — спокойно сказал Артанис.

— Ты убил душу своего народа, убьешь и тела, если я не спасу их, — отозвалась Лантарис. — Протоссы не созданы скитаться в одиночестве, без смысла и цели, и они умрут, если я не спасу их.

— Неразимы уже тысячу лет прекрасно живут и без этого, — с издевкой заметила Нерат.

— Бездушные отступники, — бросила Лантарис. — Кхала возродится благодаря мне, величественнее чем прежде, и пробудятся новые кхалаи...

Артанис снова включил стазисное поле. — Кажется, она не настроена нас слушать, — заключил он. — Этого она добивалась? Воссоздать Кхалу?

— В конечном итоге да, используя украденные у неразимов материалы, чтобы обратиться к энергии Пустоты. Какой... безумный замысел, — сказал Каракс.

— Но у нее нашлись добровольцы, — заметил Артанис.

Нерат несколько не потрясло это открытие. — Протоссы с Айура столько времени держались стадом, неудивительно, что некоторые из вас готовы пойти за кем угодно на бойню.

— Осторожно, Нерат, — предупредил Артанис.

— Я не согласен со словами, но согласен с сутью, — сказал Таландар. — Рана

нашего народа еще кровоточит. Великая боль ведет к отчаянию... и хотя оно может принести победу в безнадежной битве, так же легко способно разрушить нас изнутри.

— Отчаявшиеся протоссы пойдут на что угодно, чтобы исцелиться, — задумчиво произнес Каракс. Он наконец понял Таландара: хотя причиной смерти стали устройства, корень проблемы уходил слишком глубоко. — Часто самая сложная часть ремонта — определить истинную причину поломки. Теперь мы знаем, в чем проблема. Пора искать решение.

Нерат презрительно усмехнулась. — Нельзя «отремонтировать» чужие жизни извне. Каждый должен сам найти свой путь, или вся борьба будет напрасной.

— По-твоему, надо было дать Терун и Эранусу умереть? — возмущенно воскликнул Каракс.

— Мы одиноки всегда и во всем, — ответила Нерат.

— Это не наш путь, — голос Селендис звучал тихо, но дрожал от ярости, — никогда им не был, и никогда не будет.

— Ваш путь изменился, когда вы перерезали связь с Кхалой, — парировала Нерат, — даже если ты пока не осознаешь этого.

— Переделывать одних по подобию других — это не единство, Нерат. Ты сама сказала мне это, — возразила Селендис.

Нерат склонила голову, по-видимому, смутившись. — Вопросы, которые вы задаете себе сейчас, мы задавали еще тогда, когда нас прогнали с Айура.

— И это значит, у вас есть ответы? — резко спросила Селендис.

— Это значит, что ответы есть где-то там, на том конце тяжелого пути, — сказала Нерат с несвойственной ей мягкостью, подняв взгляд на Селендис. — Если неразимы

должны стать частью чего-то нового, что не уничтожит наши личности... мы гибки и способны склониться по ветру.

— Мы найдем новый путь, — сказал Арганис. — Теперь я понимаю, что упразднением кастовой системы, разрывом связи с Кхалой мы лишь что-то закончили. А чтобы положить начало чему-то новому, от каждого из нас потребуется еще больше усилий.

— Строить, конечно, гораздо сложнее, чем уничтожать, — произнес Каракс.

— И Нерат права в том, что каждому нужно найти свой путь в этом новом мире, каким бы трудным он ни был, — отозвался Таландар. — Никто иной не может сказать тебе, кто ты есть. Надо узнать это самому.

— Так мы будем ходить по кругу, — раздраженно сказал Каракс. — Раньше ты говорил, что друзья облегчают путь. Но я не могу просто... создать друзей тем, кому их не хватает.

— Многие не знают, как находить связь с другими без Кхалы. Это правда. Я заметил, что чистильщики тоже держатся особняком, — заметил Таландар. — Нас-то собирают заранее.

Арганис засмеялся. — Изобретательно, старый друг. Но чистильщиков не так много...

— И не все протоссы приветливы к нам, — ответил Таландар.

— У этой проблемы нет единого решения, — сказал Каракс. Он повел рукой в сторону Нерат. — Будет лучше, если наш народ научится смотреть в будущее, а не оглядываться на прошлое. Это я могу донести как минимум до других фазовых кузнецов. Совместная работа сплачивает нас.

— Так мы учимся принимать друг друга, — вставила Нерат.

— Совместное движение к общей цели укрепляет связь. Связь... как минимум, притупляет одиночество. — Каракс взглянул на Селендис, ожидая услышать ее мнение. В конце концов, она возражала им всем. Но она молчала.

— Я не питаю иллюзий и не думаю, что такую серьезную проблему можно решить в один миг, — сказал Артанис. — Делайте то, что считаете нужным. Я поручу дэлаамам найти новые способы сплотить нас, чтобы когда один протосс собьется с пути, множество других протянули ему руку помощи.

#

Вечер стал временем похорон после возвращения на Айур и потери Кхалы. В этом чувствовался глубокий символизм — протоссы были тесно связаны со своим солнцем. Если их мертвые не могли больше найти упокоения в Кхале, они обратились к более мистической идее о том, что когда их солнце заходит, они присоединяются к звездам бесконечной вселенной и, возможно, обретают там новую жизнь.

Селендис успокаивала мысль о переходе в новый мир, к новым битвам. У протоссов все еще было свое место во вселенной, неразрывная связь с ней, и похоронный обряд укреплял эту веру. Но все же он казался пустым, лишенным незримого присутствия. Без всеобщей связи с Кхалой все умирали в одиночестве, а этот — еще в большем одиночестве, чем остальные.

Семья Терун, хоть Таландар и сообщал, что они не виделись друг другом, согласилась позаботиться о ее теле. Эраниса никто не захотел забрать — нет, такое выражение предполагает действие. Скорее всем было безразлично, что станет с его телом и как его отправят в последний путь, и поэтому Селендис взяла эту ношу на себя. Она

могла бы провести ритуал в центральном храме, который был построен вокруг новой псионной матрицы. Но вместо этого решила вернуться туда, где нашла его, в глубине души надеясь, что побудит других протоссов к какому-то действию, и одновременно упрекая их за равнодушие к ближнему.

Некоторые с тупым любопытством подошли посмотреть на камеру, которая распылит его тело. Но никто не остался. Селендис стояла одна и чувствовала внутри такую же пустоту, какая ее окружала. Артанис, Каракс, Таландар и даже Нерат — все предложили свои способы решить внезапно обнаруженную проблему... но не она, и она знала, что разочаровала Артаниса. Она разочаровала саму себя.

Смерть Эраниса была лишь одной из многих смертей в ее жизни. Селендис не была уверена, почему она так глубоко тронула ее. Возможно, дело было в одиночестве. В бессмысленности. Эранис умер не в славной битве и не в покое преклонных лет. Он сам насильно лишил себя жизни в приступе непередаваемой боли. Чем дольше она об этом думала, тем сильнее злилась, но злиться было не на кого. Она могла винить его за собственную смерть, могла винить Лантарис, но она давно научилась смотреть на вещи шире. Причина, которая заставила его взрезать собственную кожу, была лишь одной в череде неудач.

Может быть, в этом и была проблема — слишком много ошибок и ни одного врага.

Наблюдая за солнцем, спускавшимся к горизонту, она ощутила колебания воздуха и поняла, что не одна.

— Ты такая сентиментальная, Селендис, а рассказывают о тебе совсем обратное, — сказала Нерат, глядя на нее.

— Слухи редко правдивы.

— Я не ожидала, что ты будешь прыгать от счастья при виде меня, но откуда такая злость? — спросила Нерат. — Это потому, что я не поблагодарила тебя за спасение моей жизни?

Селендис вздохнула. — Я злюсь не на тебя. — Нерат так любила подкалывать ее, что она не сдержалась и добавила, — Ты значишь для меня гораздо меньше, чем тебе хочется.

Нерат засмеялась. — Ты разбила мне сердце. Тогда из-за кого? Той безумной?

Селендис отмела взмахом руки это предположение о Лантарис. Такого врага она могла понять. Эту проблему они уже решили вместе. — Здесь Эранис жил после возвращения на Айур. И всем местным безразличен и он, и его смерть.

— Это они тебе сказали?

— Их равнодушие говорит само за себя.

— Правда? Или кхалаи забыли, как надо слушать?

Раздраженная Селендис подошла к одному из ближайших неказистых домишек, перед которым сидел на ящике сгорбленный, худой старик. — Скажи, — обратилась она к нему, — ты знал того, кто умер?

— Эраниса? — Он пожал плечами. — Не особенно.

— Кто-то приходил к нему перед смертью?

— Не знаю. Нет, наверное.

Селендис взглянула на Нерат, махнув ей рукой.

Нерат, не скрывая изумления, ответила, обращаясь к одной Селендис: — Из-за вашей Кхалы вы утратили всякую способность вести осмысленный разговор.

Кхала давала им эмоциональное единство, глубокий океан сопереживания,

который связывал их без всяких слов. В этом была их сила, а не слабость. Но теперь приходилось полагаться на неверные слова, казавшиеся пустыми и бессмысленными. Она посмотрела на протосса перед собой, задумалась, какая глубина мысли лежала за его словами, ненавидя эту непреодолимую пропасть между ними. Как разговаривать с ним? Она не понимала его эмоций, но и сама ведь обратила к нему лишь нетерпеливые обрывистые вопросы. Она тщательно обдумала свои следующие слова и сказала так мягко, как только могла: — Мне кажется, вам все равно, что с ним случилось. Я неправа?

Он обратил на нее свой взгляд, который вдруг показался если не острым, то более живым. — Такое ощущение, будто это неважно. Будто... будто мы все равно никому не нужны. — Селендис захотелось прервать его и возразить, но она заставила себя дослушать его ответ до конца, пока он медленно и сбивчиво продолжал. — Мы все были из касты кхалаев и знали свое место в Кхале. А теперь нет Кхалы и нет касты кхалаев, и нам сказали, что мы все теперь тамплиеры, хотя никогда к этому не стремились. И теперь мы даже не можем разделить свою грусть или растерянность с другими. Почему же смерть Эраниса что-то значит? Мы все умрем, потерявшись в одиночестве.

Когда Селендис убедилась, что он закончил, она сказала: — Дэлаамы не знали, как вы одиноки. Но теперь мы знаем. И вы больше не останетесь одни. — Как выполнить это обещание? Она еще не знала

— Я не думаю, что что-то изменится. — сказал он, — но спасибо, что выслушала.

Селендис вернулась к телу Эраниса, по пятам за ней, как тень, следовала Нерат. — Я не знаю, как решить эту проблему, — признала она, не пытаясь скрыть досаду. Бывшую касту кхалаев заставили переосмыслить свое место в мире, до сих пор ей казалось, что она легко приняла новый порядок вещей. Всех готовили стать тамплиерами, она уже была

тамплиером. Но само понимание тамплиеров тоже должно было измениться.

— Бить клинком гораздо проще, — согласилась Нерат. — Я тебе не завидую. Но... ты такая упрямая, что все равно доведешь дело до конца, и я могу помочь. Как смогу.

— Я не буду тебя благодарить, пока не увижу, останемся ли мы друзьями после такой помощи, — сказала Селендис, но вспомнила, как Нерат говорила, что ответы где-то есть.

— Раздражает, что ты уже так хорошо меня знаешь, — ответила Нерат. В ее голосе не было слышно раздражения.

— Все как ты сказала. Один народ, одна цель.

Нерат засмеялась, сначала удивленно, потом тепло и почти музыкально, без обычной иронии. Селендис это даже почти понравилось, хотя, конечно же, она бы в этом никогда не призналась.

Пока они стояли, наблюдая за медленно плывущими облаками и закатом, окрасившим небо в розовый и оранжевый, Селендис нашла мучившие ее слова, которые прежде не знала, как выразить без помощи Кхалы. Странно, но сказать их было легче Нерат, чем Артанису. Возможно, она слишком боялась разочаровать его — а Нерат мастерски умела слушать, научившись этому искусству неразимов с колыбели. — Артанис сказал, что без Кхалы мы будем свободны. Но если это свобода, почему мне так горько?

— Разве не бывает и того, и другого вместе? — спросила Нерат, и Селендис не услышала насмешки в ее голосе. Нерат протянула руку и нежно положила руку на плечо Селендис, утешение, которое та решила принять вопреки неуверенности.

Каракс был прав и неправ. Конец бывает быстрым, но это не делает его легким. А

начинать еще сложнее, но Селендис никогда не уклонялась от сложной битвы и не избегала новой тактики боя. Без Кхалы она может порой чувствовать одиночество, но она знала, что это неправда: у нее были старые друзья... и новые.

Солнце ушло за холмы, озарив небо оттенками красного и фиолетового. Когда Селендис запустила камеру, чтобы уничтожить тело Эраниса, она увидела, что старик, с которым она говорила, и еще несколько жителей подошли, чтобы присутствовать на церемонии.

Она открыла камеру, луч света ударил в небо — все, что осталось от Эраниса, расщепленное на мельчайшие частички. Через секунду сияющая пыль смешалась с далекими точками, замерцавшими в темноте. — Теперь он будет плыть среди звезд.

Автор: Алекс Акс

Редактор: Хлоя Фрабони

Продюсер: Брианна Мессина

Консультанты по истории мира: Мади Букингем, Шон Копланд

Креативные консультанты: Джефф Чемберлейн, Кевин Донг, Джордж Крстик, Райан

Квинн, Райан Шаттер

Перевод: Алина Устинова

Особая благодарность: Томас Флотер, Мартин Фрост, Фелис Хуан, Чон Чонун, Жаклин

Ло, Алексей Пятихатка, Ю Шан Тан